

«Я не переставал чувствовать себя русским»

Побег профессора М.А. Ильинского из Германии в 1916 г.

В Архиве Российской академии наук (Архив РАН) хранится фонд почетного члена АН СССР Михаила Александровича Ильинского, специалиста в области органической химии и технологий синтетических красителей. Он родился 1(13) ноября 1856 г. в Санкт-Петербурге в семье врача, доктора медицины и хирургии А.И. Ильинского, служившего в военных госпиталях. После окончания 6-й Петербургской гимназии в 1875 г. поступил на химическое отделение Петербургского технологического института, но через год был исключен за участие в студенческих беспорядках. С 1876 г. отбывал воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося в Варшавском уланском полку, затем в Елизаветградском юнкерском училище. В 1879 г. вышел в запас в чине корнета. В том же году М.А. Ильинский уехал из России в Германию, которая в те годы была одним из лидеров нарождавшейся химической промышленности. Поступил в Берлинскую промышленную академию, вскоре преобразованную в Высшую техническую школу (г. Берлин-Шарлотенбург), которую успешно закончил в 1882 г. Работал ассистентом у немецкого химика К. Либермана (в 1882–1885 гг.) и в Мюнстерском университете у профессора Э.Л. Сальковского (в 1883–1884 гг.). В 1885 г. вместе с немецким химиком Г. Кнорре предложил реактив на кобальт и трехвалентное железо, положив тем самым начало применению органических реагентов в аналитической химии, и высказал предположение, что нитрозоафтолы имеют водородную связь. В 1887–1888 гг. выступал с докладами в Германском химическом и Русском физико-химическом обществах о своей теории атомности (валентности), в которых высказал ряд положений, вошедших в современные теории: о делимости валентностей, существовании свободных радикалов, водородной связи, сольватации ионов и др. В 1886–1889 гг. работал на химической фабрике фирмы «Бенно Яффе и Дармштетер» в Берлине-Шарлотенбурге.

В 1889 г. Ильинский вернулся в Россию, где был назначен заведующим производством на ализариновой фабрике фирмы «Рабенек» в Щелкове (под Москвой). В 1891 г. ученый разработал способ получения первого кислотного антрахинонового красителя типа ализарина-сафирола, однако фирма «Рабенек», стремясь удержать это изобретение в секрете, не заявила его к патентованию. В 1899–1914 гг. эти исследования патентовала немецкая фирма «Ведекинд» без указания имени автора. В этих патентах описывались методы получения ряда новых сульфокислот антрахинона, полиоксиантрахинонов, кислотных и кубовых антрахиноновых красителей и методы бензолирования аминокантрахинонов. Предприятие Л. Рабенека просуществовало недолго, причиной ликвидации прекрасно налаженного ализаринового производства было заключение в конце 1890-х гг. нового, невыгодного для России торгового договора с Германией, установившего новые пошлины на красители.

С 1899 г. Ильинский работал в Германии на химическом заводе фирмы «Р. Ведекинд и К°» в Ирдингене на Рейне. В 1899–1914 гг. он разрабатывал методы получения новых сульфокислот антрахинона, полиоксиантрахинонов, кислотных и кубовых антрахиноновых красителей, в 1911 г. изобрел новый способ абсорбционного крашения, получивший широкое применение.

В 1916 г., вернувшись после побега из Германии в Россию, ученый состоял членом технического совета «Русско-краски» (впоследствии Главное управление анилиновой промышленности). В 1918–1924 гг. – приват-доцент Московского университета. В 1929 г. избран на должность штатного профессора по кафедре органической химии.

В 1928–1932 гг. он разработал технологию получения антрахинона окислением антрацена, в 1934–1935 гг. – новые фенольные производные ализарина-сафирила и коричневые кубовые красители, в 1936 г. совместно с А.Н. Николаевой и А.И. Перельман получил ализарин непосредственно из антрахинона путем окислительного синтеза, минуя стадии сульфирования и щелочного плавления.

20 февраля 1934 г. был удостоен звания заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, вскоре утвержден в степени доктора химических наук, 1 июня 1935 г. избран почетным членом АН СССР. Умер ученый 18 ноября 1941 г. в поселке Боровое Акмолинской области.

В фонде М.А. Ильинского сохранился очерк автобиографического характера о побеге ученого из Германии в Россию в период Первой мировой войны. Документ публикуется по современным правилам правописания с сохранением его стилистических особенностей. Сведения о ряде лиц выявить не удалось.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук М.Ю. КИСЕЛЕВ.

Побег из Германии 7/20 октября 1916 г.^a

Москва

Сентябрь 1917 г.

[В 1899 г. я, после 10-летнего заведования химической частью Т-ва М-р Людвиг Рабенек в Москве, перестроил для германской фирмы «Р. Ведекинд и Компания», в г. Ирдинген на Нижнем Рейне фабрику ализарина¹, приняв на себя как главное заведывание этим производством, так и консультацию по всем отдельным химическим выработкам, а также руководство научной химической лабораторией этой фирмы.

Переход мой в Германию был вынужден тем обстоятельством, что ализариновая фабрика Людвиг Рабенека в Москве, вследствие невыгодного для России торгового договора, стала терпеть большие убытки, и фирма решила, наконец, прекратить это производство. Ализарин Рабенека, после ряда усовершенствований, достиг к этому времени высокого совершенства и стал пользоваться уже известностью в Германии.

Немцам, стало быть, было интересно перенести к себе фабрикацию такого усовершенствованного продукта, и фирма Ведекинда, не жалея затрат, купила у Рабенека секрет выработки, одновременно предложив мне вести все дело на очень выгодных условиях.

С другой стороны, мне, как русскому, было лестно стать как бы пионером русской культуры на Западе, тем более, что красочное производство представляло тогда (и много позднее) привилегию Германии и все усовершенствования в этой области шли оттуда.

В Ирдингене я, не прерывая связи с родиной, мало-помалу обзавелся движимым и недвижимым имуществом и прожил с женой (сын воспитывался в России) спокойно до июля 1914 г.]⁶

^a Заголовок документ. Имеется авторская помета: «Записано по памяти в сентябре 1917 года».

⁶ Зачеркнуто.

[Ирдингенский период пленения]^а

Война нагрянула на нас неожиданно. После принятия Сербией австрийского ультиматума во всех его существенных пунктах, все были уверены, что дело до войны не дойдет. Но военная прусская партия знала лучше, и за два дня до объявления мобилизации вокзал и все дороги, ведущие к Ирдингену, были заняты постами. Таким образом, выехать нам с женой уже не удалось.

По объявлению войны на дом ко мне явился полицейский комиссар и заявил, что де бургомистр ко мне, [как к местному домовладельцу]^а, занимавшему в городе в течение 15 лет выдающееся положение, относится хорошо, но что он обязан взять с нас подписку о невыезде за черту города. Дня через два у меня, однако, был произведен обыск и мне предложено было письменно изложить все касающееся как лично меня, так и моих родных, с указанием на то, что за малейшее ложное показание я буду подлежать самой строгой ответственности.

Тут же мне был предложен вопрос, как я смотрю на переход в прусское подданство, мой ответ был: «Я отставной русский офицер, участник турецкой кампании 1877–1878 гг., кавалер боевых орденов, все мои родственники или военные, или военные врачи. Сын мой – офицер русской службы и в настоящее время сражается уже в рядах русской армии. Несмотря на то, что высшее техническое образование я получил в Германии и провел здесь много лет, я не переставал чувствовать себя русским. О переходе моем в прусское подданство не может быть и речи. Человеку же, который под внешним давлением, или из-за материальных выгод, отрекается от своего отечества, уже совсем, кажется, доверять не следовало бы. Русским неизвестен закон о двойном подданстве». В заключении я просил для себя и жены разрешения покинуть Германию. В ответ мы получили приказание являться в полицию три раза в день – утром, в полдень и вечером.

На фабрике я продолжал работать только научно, заявив, что должен буду прекратить занятия, если меня захотят заставить работать на оборону.

Пока нас, по-видимому, оставили в покое, [хотя чернь выказывала подчас явную враждебность]^а. Отношение интеллигенции в общем было снисходительно-покровительственное. Много говорилось о том, что горевать вам де не приходится. «Мы вас живо побьем, заберем у вас Польшу, Курляндию и на Рождество заключим мир, а тогда вместе с вами ударим на общего врага – Англию. К вам – русским – мы никакой злобы не питаем. Ведь не всякому на долю выпадает счастье родиться немцем – чем же вы виноваты, что глупая птица аист по ошибке посадила вас на чужую крышу. Но песенка Франции уже окончательно спета. Через неделю, две (фельдмаршал Гезелер² знает ближайший путь) наши войска займут Париж, Кале и на этот раз Франции так легко, как в 1871 г., не отделаться. План военных действий разработан гениально, все предусмотрено до малейших деталей и пойдет как по расписанию. Немцы самый умный, самый культурный народ, и Европа от немецкой победы может только выиграть. Бельгия, Голландия и Дания должны быть немецкими: нам нужен Ла-Манш и полное обладание Зундом. Нельзя, кроме того, допустить, чтобы устье такой реки, как Рейн, не принадлежало немецкому фатерланду. Точно также, необходимо получить преобладающее

---

^а Зачеркнуто.

влияние в норвежских шхерах, долженствующих служить нам базой для флота против Англии».

Знакомые немцы охотно сообщали нам о своих действительных и мнимых победах, почему-то наивно полагая, что мы должны радоваться вместе с ними. Помню, в самом начале войны получено было известие, что весь русский Балтийский флот потоплен немецким, причем, взято более 8000 человек в плен. Бургомистр с балкона дер[жал] речь, его по всему городу носили на руках, до поздней ночи пели «Deutschland uber Alles, die Wacht an Rhein»³ и т.п. Я заперся дома и, конечно, страдал нравственно, хотя и не верил сообщению. Великое ликование было после присоединения Турции к нашим врагам. Теперь от нас отпадал и Кавказ, и Крым.

Отношение к Англии было самое враждебное. Успех подводной лодки U9, потопившей три английских крейсера, опьянил немцев настолько, что все они серьезно полагали, что высадка в Англии последует непосредственно вслед за этим. «Для двоюродного братца Георга⁴ у нас имеется маленький сюрпризик», – таинственно прибавляли они.

Поражение на Марне стало известно немцам только в 1915–1916 гг. Главный штаб пресерьезно уверял всех, что все произошло по строго обдуманному плану – передовой отряд на Париж был выдвинут единственно с целью дать возможность главным силам основательно окопаться в тылу. Конечно, авангард был заранее обречен на гибель, но таков уж железный закон войны (категорический императив нашего великого философа Канта⁵).

Мюнстерский период пленения

В конце ноября 1914 г. район Ирдингена был объявлен на усиленном военном положении и мы с женой были высланы в г. Мюнстер в Вестфалии.

В Мюнстере мне удалось получить разрешение работать при университетской лаборатории проф[ессора] Сальковского⁶, у которого я в свое время (1882–1884 гг.) состоял ассистентом. Из Ирдингена мне высылали из моих денег по 600 марок в месяц. Мы поселились в меблированных комнатах и обедали в ресторане. Являться при полиции нас обязали сначала по разу в день, затем только 2 раза в неделю. Отношение к нам со стороны полиции было [вполне]^a корректное. Нам запрещено было только удаляться за черту города (включая в черту города близлежащие окрестности).

В Мюнстере помещалась главная квартира 7-го армейского корпуса и город кишел военными (кадры 13-го пех[отного] полка, кирасиры, артиллерия, обозы).

Тяжело было видеть два раза в неделю отходящие на фронт по разукрашенным улицам эшелоны, в боевом вооружении, с букетами цветов на груди и у винтовок, под клики толпы и с непременным оркестром музыки впереди.

В первое время всюду обучалась масса новобранцев, но к 1916 г. приток новых сил стал, к нашему удовольствию, видимо, иссякать. К концу 1915 г. в числе отходящих на фронт было немало совсем низкорослых, встречались и настоящие горбуны. Состав по возрасту был к этому времени уже самый разнородный: рядом с юнцами (почти детьми) шли, иногда прихрамывая, почтенные старцы лет пятидесяти-пятидесяти пяти.

^a Зачеркнуто.

Несмотря на то, что мы в Мюнстере располагали относительной свободой, душевное состояние наше было самое мучительное. Крайний шовинизм населения, презрительное отношение ко всему русскому^а, клевета на армию, на весь русский народ, постоянное выкидывание флагов, их победные звоны, от которых положительно некуда было укрыться, были для русского сердца невыносимы. [Не дай бог]^б. Не пожелаю никому переживать во вражеской стране вести о поражении родины. Флаги немцы выкидывают не кургузые, грязные, выцветшие, как у нас, а громадные, ярких цветов и почти из каждой квартиры, чаще всего по несколько сразу – прусский, общеимперский (или баварский, саксонский и т.п.), также австрийский, турецкий, болгарский. Русскому глазу, в буквальном смысле этого слова, становилось больно. Распоряжение о выкидывании флагов исходило от командующего корпусом. Звон шел также по строгой регламентации, смотря по значению победы – 15 минут во все колокола, затем 5-ти минутный перерыв, опять 15 минут звона, опять перерыв в 5 минут. После занятия Варшавы и Брест-Литовска не по 15 минут трезвонили, а по целому часу.

Если присоединить к этому почти полную разобщенность с родиной, невозможность получать точные сведения о сыне [офицере]^б, по слухам контуженном или раненом еще в 1915 г., то решение наше бежать при первом удобном случае, хотя бы с опасностью для жизни, станет понятным.

Независимо от того, я лично сильно страдал и от мысли, что сидя в Германии я, в такую тяжелую годину, лишен возможности приложить свои знания, свою многолетнюю опытность на пользу родине.

Наконец, и возможность насильственного разлучения с женой или вынужденной работой на оборону, а также и перспектива остаться в конце концов без куска хлеба (вследствие ли прекращения высылки денег или по невозможности раздобывать съестные припасы, которых становилось все меньше и меньше), укрепляли меня в предпринятом намерении бежать.

Можно было опасаться осложнений и вследствие неизбежных споров, когда, защищая Россию, я не раз высказывал немцам горькие истины.

Побег

Но бежать было не так легко. На наше счастье весной 1916 г. на улице с нами заговорил один молодой эстонец, некто Сикка, также пленный, встречавшийся с нами иногда в полиции и заподозривший в нас русских. В конце июля он заявил нам, что задумал бежать в Голландию. Несмотря на запрещение, Сикка часто удалялся в ближайшие окрестности, ночевал по деревням и всюду зондировал почву. Однажды он случайно набрел в лесу на прусского солдата при полной амуниции и винтовке. Сикка сильно перепугался, но оказалось, что солдат испугался не менее его: это был пехотинец, бежавший с французского фронта, пробиравшийся к родным, живущим на самой голландской границе. Несколько дней оба вели жизнь Майн Рида⁷ – ночевали в лесу, стреляли из винтовки по крупной дичи, рыли чужой картофель, крали кур и т.д. Сикка снабдил его штатским платьем и солдат-немец

^а «Русские – де азиаты, а болгары де – это вполне культурный народ, – надо было в немецких школах учить не русскому, а болгарскому языку» (Прим. автора).

^б Зачеркнуто.

кое-как добрался до своих родственников, при помощи которых и был [похоже]^a выработан подробный план бегства.

В начале августа Сикка заявил нам, что час настал, но взять нас с собой он не может, так как его пособники наотрез отказались брать с собою старых людей, к тому же женщину. Мы все же просили Сикку по прибытию в Голландию дать нам знать открыткой, подписанной для устранения подозрений условным именем Иогансона, и сделать также все возможное для нашего освобождения (мы имели в виду главным образом фальшивые паспорта).

В случае удачи я обещал дать ему несколько сот марок, а впоследствии, если буду в силах, помочь открыть сапожный магазин (Сикка по ремеслу – сапожник). Сикка сказал, что за деньги он на такие дела не пойдет, но обещал сделать все возможное.

В конце августа мы действительно получили на немецком языке открытку: «Прибыл в Роттердам. Есть надежда. Иогансон», а 15 октября телеграмму, подписанную уже женским именем Ганны Иогансон: «Проездом в Швейцарию думаю навестить вас 25 октября».

На самом деле Сикка, чтобы сбить с толку полицию, был в Мюнстере уже 19 октября. К нам на квартиру он прибыл в 9 часов утра страшно усталый, с синими подтеками под глазами. Его трясло как в лихорадке.

По его словам, он накануне в 7.30 вечера перешел обратно голландскую границу и, сделав пешком около 35–40 верст лесами вдоль железной дороги от Нейгаузена до Квендорфа, ночевал в лесу (где и простудился). На рассвете он пошел дальше, прибыл к 6 часам на станцию [Шютдорф]^b, а к 8 часам по железной дороге в Мюнстер.

Мы напоили его кофе. Есть от сильной усталости он не мог. Тут же был соображен выработанный план на завтра и мы расстались. Выйдя вслед за Сиккой на улицу, мы с женой ясно видели, как на него указывали какие-то двое штатских и как Сикка пустился от них улепетывать. Сикка рассказывал потом, что сразу узнал в этих людях сыщиков и спасся только благодаря быстроте своих ног, оббежав зигзагами весь город. Весь день он на голодный желудок шатался по окрестностям и заночевал где-то в лесу на окраине.

На другой день, в пятницу 20 октября в 10 часов утра, мы встретились с Сиккой на условленном месте за городом.

Пройдя сначала версты три огородами, мы вышли на Гревенское шоссе и к 12.30 часам достигли Шпракеля, 2-й железнодорожной станции на 10-й версте по направлению к Рейну. В 13.07 часов мы сели на поезд. В Рейне, где надо было пересаживаться на Бентгейм, нам удалось съесть по тарелке супа. В 14.02 часа мы отбыли на Шютдорф. В поезде Сикка объяснил нам, что на станции Шютдорф накануне утром постов не стояло, но, если, паче чаяния, теперь там стоит охрана, то надо говорить, что мы желаем пройти пешком на Квендорф, чтобы сесть там на поезд в Нордгорн.

Действительно, при выходе со станции Шютдорф нас остановили и под конвоем свели в помещение, занятое 6–7 офицерами, с телефонами и телеграфными

^a Зачеркнуто.

^b Слово написано неразборчиво карандашом.

аппаратами, на которых усердно что-то и куда-то передавали. Ну, думаю, сейчас снесутся с Мюнстером, и все дело пропало.

На вопрос, куда мы едем, я ответил, что, пользуясь прекрасной погодой и не желая делать крюк по железной дороге на Бенгтейм, мы думали пройти пешком на Квендорф, чтобы только там сесть на поезд, идущий из Бенгейма на Нордгорн. «Какие у вас дела в Нордгорне? Теперь военное время и в пограничной области нельзя гулять без особого разрешения. Где ваши бумаги и кто вы?». Я заявил, что в Нордгорн еду по торговым делам, о необходимости иметь особое разрешение не знал, иначе, конечно, запасся бы таковыми. В удостоверение личности я представил полицейскую прописку по месту жительства в г. Мюнстере. Жена прибавила, что думала раздобыть на границе кое-какие припасы, так как в Мюнстере ни за какие деньги нельзя уже достать ни сала, ни колбасы, ни сыра. «Контрабанда», – с улыбкой сказал один из офицеров. «Уже и не знаю, – заявил я, – но, по слухам, на границе можно еще что-то раздобыть. Конечно, я не настаиваю на пропуске и, если нельзя, то придется, как это не досадно, вернуться в Мюнстер» (только бы отпустили нас без обыска, думал я в то же время).

Подумав немного и посоветовавшись с другими, офицер заявил, что в виде исключения не находит препятствия к посещению нами Нордгорна и пожелал нам даже успеха в колбасных розысках.

[Благополучному исходу этой авантюры немало послужило, вероятно, то обстоятельство, что в свидетельстве о приписке перед моей фамилией стояла частичка «фон». Увидев ее, немецкий полковник сейчас же принял вежливый тон, а моей жене стал говорить «...Frau»]^a.

По шоссе на Квендорф постов не было. Имея разрешение, мы их и не очень боялись и даже рискнули выпить по чашке кофе в придорожном трактирчике. От точильщика, тоже поджидавшего поезд, мы узнали, что накануне в Нейгаузен прибыл батальон с орудиями.

Граница (все время в 2–3 верстах от железнодорожного пути) охраняется очень бдительно, но на станциях постов нет. К отходу поезда прибыл один из офицеров, бывших при нашем допросе. Узнав нас, он любезно поздоровался и добавил: «Это был неприятный сюрприз для вас, господа, но все хорошо, что хорошо кончается». Я догадался попросить позволения сесть с ним в одно отделение, чтобы при случае иметь возможность сослаться на него.

Действительно – по ходу поезда двумя станциями прошел патруль, проверяя пропускные свидетельства, и только ссылаясь на офицера, подтвердившего, что мы имеем специальное разрешение из Шютдорфа, спасло нас от высадки и ареста.

В Нордгорн мы прибыли в 18.30 часов вечера. Постов не было, Сикка повел нас в обход города и шоссеиной дороги. Шли через болота по густой осоке, через проволочные заграждения (Сикка разрезал проволоку стальными щипцами). Несмотря на предосторожности, мы с первых же шагов и изорвались, и исцарапались о шипы. Дело приняло, таким образом, сразу очень серьезный оборот, и стало ясно, что возврата более нет. Шли местами по колено в воде, то и дело останавливаясь и прислушиваясь к малейшему шуму, так как Сикке было известно, что на перекрестках расставлены посты, столкнувшись же с немцами нам нельзя уже будет сослаться на желание среди ночи прогуляться по болоту.

^a Зачеркнуто. Одно слово написано неразборчиво карандашом.

Не доходя до последнего перекрестка, Сикка, потеряв ориентацию, решил для выяснения местности выждать прохода очередного поезда (по расписанию в 21.30 часов вечера). Болотные кочки, на которые нам пришлось опуститься, сейчас же сдали под тяжестью. Холодная вода подступила к телу, но ощущение холода быстро прошло и нас более не беспокоило. В таком положении, при абсолютном молчании, нам пришлось прождать около часа. Наконец, поезд прошел, осветив местность. Перед нами выделился шаг в тридцати перекресток и на нем германский пост. «Чуть-чуть не нарвались», – сказал Сикка, – и под грохотание поезда отвел нас шагов на 200 назад, затем [в сторону]^a на Нейгаузенское шоссе, оставив германскую заставу позади. По шоссе мы дошли уже до самого города без особых приключений, если не считать спешного бегства в шоссейный ров от надвигающегося на нас велосипедиста, в котором мы заподозрили патрульного.

Нейгаузена миновать было нельзя, так как все мосты через речку шли городом. Сикка уверял, что позавчера ночью постов на мостах не стояло, он все де высмотрел – опасные места мы уже миновали. Неужели немцы до того просты, думал я перед каждым из четырех мостов города, чтобы оставить такие важные пункты без охраны? Однако оказалось, что Сикка был прав и к 23.30 часам мы благополучно оставили все мосты за собой.

Очевидно, немцам в конце 1916 г. уже нужно было сильно экономить людей в тылу. Город еще не спал. Из освещенных трактиров то и дело выходили группы людей. В темноте в каждом встречном чудился военный, но мы отчаянно шагали, отвечая на приветствия «гутнабенд – гутнабенд». Иногда на нас прямо в упор направлялись электрические фонарики, но, очевидно, мы не имели подозрительного вида.

Теперь путь лежал на Лаге⁸ (около 2-х верст). Сикка повел нас было в обход, но, пройдя версты две, не смог впотьмах разыскать нужного проселка и мы, скрепя сердцем, усталые и злые, должны были вернуться обратно на Нейгаузен и идти на Лаге уже прямо по шоссе. Неужели немцы не охраняют и этот прямой доступ к границе, думал я. Остановят, и все пропало. Девяносто девять шансов за то, что все рухнет в последнюю минуту. Но немцы и тут оплошали, и мы благополучно достигли Лаге, расположенного всего в одной версте от границы. Город спал.

Пройдя Лаге, нам оставалось перейти последний мост. Чтобы не очень запугивать нас сразу, Сикка перед каждым мостом уверял, что это де последний. В конце концов я перестал ему верить и волновался от этого еще сильнее. Подходя к мосту, Сикка быстрым взглядом еще издали заметил на нем две фигуры и, приняв их за часовых, моментально свернул с нами в сторону, на дорогу, ведущую [обратно]^a в сторону от границы. Люди на мосту, как впоследствии оказалось, были попросту подвыпившие бюргеры, которые вскоре и залегли спать тут же на мостике. Выяснилось это при следующих обстоятельствах.

Пройдя по боковой, совершенно темной и пустынной шоссейной дороге шагов двести, Сикка остановился и после короткого колебания свернул на проселочную дорожку, ведущую сильным уклоном по направлению к речке. Дорожка вскоре оказалась перерытой поперек. Впереди широкая канава с водой, направо и налево глубокий пруд.

^a Зачеркнуто.

Сикка разулся, засучил панталоны, сказал, что поищет брод через речку и, перейдя канаву по пояс в воде, исчез за холмом. Мы с женой остались стоять у самой канавы. Подмерзшая почва постепенно сдавала под нами и скоро мы стояли по щиколотку в ледяной грязи, не смея шевельнуться, чтобы не выдать себя шумом. Проходит четверть часа, полчаса – Сикки нет. Мысли одна черней другой полезли в голову. А ну, как Сикка покинул нас на произвол судьбы, чтобы спастись хоть самому? Не зная местности, усталые, рваные, голодные, мы были обречены на капитуляцию – все понесенные труды были напрасны. Нам грозит по меньшей мере пятилетнее тюремное заключение. При мне находятся [разные технические заметки]^a русский паспорт, указ об отставке; мы проезжали вдоль самой границы, видели пограничные укрепления, постовые заставы. Отсюда до обвинения в шпионстве и расстрела – один шаг. Как у приговоренных к смерти, в сознании быстро замелькали отрывочные эпизоды пережитой жизни, чередуясь с усилиями мысли и воли найти выход из безвыходного, по-видимому, положения. Глубокая ночь, мерцающая при бледном свете поднимающейся из-за горизонта луны, вода и заросли только усугубляли жуткое настроение.

Жена еле-еле держалась на ногах, осунулась и сразу постарела лет на десять. Еще мучительные четверть часа, показавшиеся нам вечностью. Наконец, где-то в тумане вырастает фигура Сикка. «Я не могу найти брод, – сказал он, – придется брать речку вплавь». «Я не умею плавать, – возразила жена, – прожила на света, слава Богу, 56 лет, на что я годна больше. Убейте меня, бросьте в пруд и спасайтесь хоть сами. Передайте Мише, что его мать сделала все возможное, чтобы свидаться с ним». И стала спускаться прямо в воду. Мы с Сиккой еле успели поддержать ее, привели в чувство и стали утешать как могли. Я говорил, что не покину ее, что все обойдется благополучно; Сикка предлагал заночевать в лесу, обещая развести бездымный костерчик, у которого мы просохнем и обогреемся, раздобыть картофеля, а может – курицу, а на завтра снова попытать счастья. Она несколько успокоилась. Тогда Сикка решил на рекогносцировку и, оставив нас вторично, исчез по направлению к мосту. Через четверть часа он вернулся и принес радостную весть, что путь свободен.

Мы сейчас же двинулись через мост и, пройдя по просеке около полуверсты, были только в каких-нибудь 100–150 саженях от границы, но, чтобы пройти этот путь по сравнительно ровному и сухому месту, нам потребовалось еще около трех часов. Продвигаться можно было только со страшной осторожностью, так как мы находились теперь в районе пограничных постов.

Дорога тут разветвлялась. Обе ветви вели к границе и обе были заняты постами. Сикка повел нас наперерез, через луга и заросли. Разувшись по его приказанию, мы шли по замерзшим кочкам шаг за шагом, медленно и высоко поднимая ноги и также осторожно опуская их, прислушиваясь к малейшему шороху и замирая при первом знаке Сикки, идущего впереди нас. Помню, на одном повороте я явственно увидел фигуру надвигающегося на нас из-за куста часового с ружьем через плечо. Я замер и сказал Сикке: «Все кончено, мы открыты, спасайтесь». «Ничего нет, – возразил Сикка, – вам просто померещилось». От сильного нервного возбуждения и утомления галлюцинация наяву!

^a Зачеркнуто.

Выжидая иногда по часу, по щиколотку в воде и не смея шевельнуть исцарапанными и покрытыми льдом ступнями ног, мы перешли три канавы с заграждениями, прошли ряд зарослей и очутились, наконец, у последней канавы, наполненной водой и обрамленной довольно густыми кустиками.

Отсюда до границы оставалось всего только несколько саженей, но луна (последняя четверть), как на зло, вышла из-за тучки и освещала местность настолько ярко, что пробраться незамеченными было невозможно. Положение было самое критическое, уже занимался день и времени оставалось очень мало. К тому же погода стояла тихая и малейший шорох мог нас выдать.

Мы притаились и, спустя некоторое время, услышали немецкий говор и стали различать часовых. В 5 часов подошла смена; затем патруль удалился. Часовые сходились и расходились, не отходя, однако, далеко в сторону – пробраться меж них было немыслимо, но и ждать дальше было [невозможно]^a нельзя – становилось уже почти светло. Подумав, Сикка решил было попробовать отползти с нами шагов двести назад, чтобы под прикрытием зарослей подкрасться к границе, но уже несколько правее. Но, на наше счастье, часовые постепенно стали отходить все более и более влево, удалившись, наконец, настолько в сторону, что мы потеряли их из виду.

Тогда по знаку Сикки, оставив заросли и стараясь возможно меньше шуметь, мы быстро перебрались через последнюю канаву (нарвавшись на скрытое под водой заграждение), перебежали последний участок немецкой земли и залегли в зарослях только в шагах 100 от границы, как травленные зайцы.

Ни окрика, ни выстрела не последовало. Мы были спасены.

В Голландии нам пришлось одолеть еще около двух верст лугами и болотами, строить понтонные мосты через широкие голландские канавы. (Сикка где-то раздобывал [два]^a бревна), заниматься эквилибристикой. Выйдя, наконец, на дорогу, мы присели отдохнуть, обтерли насухо ноги, надели сухие чулки (захваченные нами по совету Сикки), кое-как натянули мокрые сапоги и к 6.30 часов утра достигли первого голландского двора.

Все еще как-то не верилось, что мы в Голландии, и я только с опаской вошел в хату. Но при виде штук 12-ти рогатого скота, массы свиней, кур и т.п. стало ясно, что мы уже не в Германии. Прием был в высшей степени радушный. Мы несколько отогрелись и позавтракали.

Белый хлеб, масло, яйца, ветчина – от всего этого, после долгого немецкого поста, буквально потекли слюнки.

Первый голландский пограничный стражник встретился нам [на мосту]^a только верстах в трех от границы. Он узнал Сикку, отнесся к нам очень добродушно и указал дорогу к тому крестьянину, при помощи которого Сикке удалось перейти обратно из Голландии в Германию и у которого Сикка оставил на хранение свои русские документы.

Эти люди имеют родственников в немецком городке Лаге и знают всю местность, как свои пять пальцев. 18 октября сын-мальчик довел Сикку за 10 гульденов до самой границы, которую Сикка, прокравшись мимо часовых, и перешел около 19.30 часов вечера.

---

^a Зачеркнуто.

Когда Сикка, приблизительно месяцем раньше, первый раз надумал идти за нами, то в Денекампе его приняли сначала за немецкого шпиона, продержали под арестом 24 часа и, отпустив, отправили обратно в Роттердам. Неудача не обескуражила Сикку, и во второй раз ему посчастливилось добраться до известного ему еще по первому побегу из Германии пограничного голландского хутора. Избежать голландских стражников и на этот раз не удалось, но теперь они оказались податливыми и, отобрав все съестные припасы, пропустили на хутор. Голландец говорил мне, что не думал более свидеться с Сиккой, да еще с нами, и был очень рад, получив в подарок стальные щипцы, сослужившие нам такую службу.

Еще раз закусив и несколько оправившись, мы в открытом голландском фургоне при резком ледяном ветре отбыли в г. Денекамп (верст в 12 от хутора), откуда в 13 часов дня выехали в Роттердам, куда и прибыли в 19.30 часов вечера. Жена, в мокрых еще юбках, от усталости еле-еле держалась на ногах, я же был бодр. Сикка все еще имел повышенную температуру.

Дня через два все мы были снова в порядке полным и здравии (если не считать кровоподтеков на ногтях ног). Холодные ночные компрессы пошли моей жене даже на пользу. Страдая, при упорных и частых болях в пояснице, мускульным и кожным ревматизмом [при такой повышенной чувствительности, что от постороннего прикосновения она буквально вскрикивала от боли]^а, жена после достопамятной ночи с 19 на 20 октября излечилась от этих недугов и по сие время чувствует себя прекрасно.

В Денекампе, считая себя в полной безопасности, мы, как были, грязные и изорванные, снялись втроем на открытке у местного фотографа на память об освобождении от германского пленения.

В Роттердам мы прибыли, имея денег всего около 100 германских марок. После уплаты счета гостиницы, мы в понедельник 23 октября явились в русское консульство с грошами в кармане.

К счастью, мне удалось захватить с собой нужные документы, заграничный паспорт, указ об отставке, сомнений в моей личности, казалось бы, возникнуть не могло. Заимообразно мне очень любезно выдано было необходимое пособие, дальнейший отъезд задерживался, однако, тем обстоятельством, что по сведениям консульства от немецкого шпионства не могла укрыться ни одна отправка пароходом и мне попросту грозила опасность быть снятым с парохода подводной лодкой или [даже]^а любым сторожевым судном. Ни консул, ни посланник не советовали мне рисковать выездом и обещали придумать для меня какую-нибудь особую комбинацию. Одно время я даже серьезно подумывал остаться до конца войны в Голландии, так как несколько голландских фирм [наперебой]^а предлагали мне на прекрасных условиях приступить к постройке ализаринового завода. Посланник (Свечин) не советовал мне, однако, входить с голландцами в какие-либо сделки, находя, что свои знания я должен приложить в России.

Наконец, через 6 недель мне разрешено было, не в пример прочим, выехать из Голландии под псевдонимом Вернера. Оставив в посольстве все документы [и ценности]^а, с просьбой выслать их при первой okazji с курьером прямо в Петроград, мы с женой сели, наконец, на пароход, идущий на Готебург.

---

^а Зачеркнуто.

В Стокгольме, вследствие высланной из Гааги на имя консула телеграммы, мне выдали уже паспорт на имя Ильинского.

В Москву мы прибыли 26 ноября 1916 г. в летних пальтишках, с 4 рублями в кармане, где были встречены сыном, достаточно оправившимся уже от последствий контузии, полученной им под Краковом.

Архив РАН. Ф. 470. Оп. 3. Д. 21. Л. 1–15. Машинопись с авторской правкой карандашом.

Примечания

¹ Ализарин – органический краситель, относится к протравным антрахиноновым красителям. С солями металлов (Al, Cr, Fe) дает окрашенные комплексы, так называемые лаки. Промежуточный продукт для получения красителей; алюминиевый лак ализарин используют для получения художественных красок, нитроэмалей и др.

² *Готлиб Фердинанд Альберт Алексис фон Гезелер* (1836–1919) – граф, прусский генерал-фельдмаршал, губернатор Меца, организатор бойскаутского движения в Германии.

³ «Deutschland, Deutschland uber Alles» – германский военный марш, с 1922 г. официальный гимн Германии; «Die Wacht an Rhein» – германский военный марш.

⁴ *Георг V* (1865–1936) – король Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии в 1910–1936 гг.

⁵ *Кант Иммануил* (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

⁶ *Сальковский Э. Л.* (1844–1923) – немецкий биохимик.

⁷ *Рид Томас Майн* (1818–1883) – английский писатель, автор приключенческих романов и произведений для детей и юношества.

⁸ Лаге – город в Германии, Земля Северный Рейн-Вестфалия.